

Церковь и государство при митрополите Афанасии Белов Н. В.

*Белов Никита Васильевич / Belov Nikita Vasil'evich – студент,
Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург*

Аннотация: в статье рассматриваются основные тенденции церковно-государственных отношений накануне и в первые годы опричнины.

Abstract: the article examines basic tendencies of church-state relations on the eve and in the early years of the Oprichnina.

Ключевые слова: митрополит Афанасий, Иван Грозный, опричнина.

Keywords: metropolitan Athanasius, Ivan the Terrible, the Oprichnina.

По смерти митрополита Макария 24 февраля 1564 г. «царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси сын его царевич Иван с своими богомолцы с архиепископы и епископы и со всем освященным собором избрал... в митрополиты... старца Афонасия» [11, с. 380]. Впервые митрополит был поставлен непосредственно по воле царя Ивана IV, который как никогда нуждался в поддержке со стороны главы русской церкви. В правящих кругах нарастало напряжение, вызванное постепенным обострением отношений Грозного и боярства: в январе 1562 г. за сношения с литовцами был арестован глава думы И. Бельский [13, с. 108], в октябре того же года государевым изменником был объявлен князь Д. Курлятев [20, с. 148], в 1563 г. опала постигла двоюродного брата царя В. А. Старицкого, 31 января 1564 г. после поражения под Улой были убиты бояре М. Репнин и Ю. Кашин [16, с. 174]. По образному выражению князя Курбского «воскурилося гонение великое и пожар лютости в земле русской возгорелся» [8, с. 326]. В условиях усиления оппозиции в лице Боярской думы и духовенства взойти на митрополичью кафедру должен был безусловно лояльный, близкий к царю святитель. Таким человеком и стал бывший царский духовник, сподвижник Макария Андрей, в 1562 г. принявший постриг в кремлёвском Чудовом монастыре под именем Афанасия [23, с. 345]. Вероятно, Иван IV принял решение о его возведении на митрополию ещё во время тяжкой болезни Макария: Афанасий неоднократно навещал престарелого митрополита по указанию царя, он же сообщил Грозному о кончине Макария и готовил его погребение [7, с. 87–93]. Чудовский инок, не имевший популярности в церковной среде, должен был оказаться «в полной зависимости от царской воли» [22, с. 262].

Грозный приложил много усилий, чтобы, во-первых, поднять авторитет нового первосвятителя в глазах духовенства, во-вторых, привлечь Афанасия на свою сторону, и если не сделать союзником, то уж во всяком случае гарантировать невмешательство митрополита в царскую политику. Первым и главным мероприятием царя в этой связи следует считать принятие Освящённым собором Приговора о белом клобуке, дарующем митрополиту право ношения белого клобука наравне с новгородским иерархом и использования красного воска для запечатывания «благословенных и посыльных грамот» [11, с. 379], привилегии, которой ранее пользовались лишь архиепископы Новгорода Великого и Казани. Речь будто бы шла не о даровании новых привилегий, но о восстановлении старого порядка: царь указывал, что «Петр и Алексий митрополиты писаны на образех в белых клобуках» [11, с. 379].

20 июня 1564 г. Иван IV выдал Афанасию жалованную грамоту на все владения митрополичьего дома [2, с. 29 - 30], что, вероятно, было связано с необходимостью поддержания лояльности митрополита при возможном усилении репрессий в связи с бегством в Литву А. М. Курбского. Царю важно было не допустить новых «печалований» святителя за опальных [21, с. 245].

После убийства князя Д. Ф. Овчины-Оболенского, обвинившего Фёдора Басманова в противоестественных связях с царем [24, с. 16 – 17], и последовавшего за этим коллективного выступления митрополита, знати и, возможно, ряда церковных иерархов [3, с. 97] против репрессий, глава русской церкви получает еще ряд льгот [22, с. 264 – 265]. Грозный настойчиво пытается вынести митрополита за скобки политической борьбы, обеспечить его нейтралитет, а лучше – сделать послушным орудием в своих руках.

3 декабря 1564 г. после службы митрополита в Успенском соборе царь, забрав с собой казну и многочисленную «святость», в окружении семьи и преданных ему людей покинул Москву, направившись в сторону Коломенского.

По сообщению Таубе и Крузе, за две недели до отъезда Иван IV «сложил... с себя... царскую корону, жезл и царское облачение в присутствии представителей всех чинов», после чего, несколько дней спустя, «отправился во все церкви и монастыри» [9, с. 31]. Данное известие не соответствует истине, ведь в таком случае терял смысл фактор внезапности, который должен был сыграть решающую роль в политическом маскараде, затеянном Грозным. Точно так же следует отринуть и факт

благословения царём «всех первых лиц в государстве» [9, с. 31] непосредственно перед отъездом. Поездка Ивана IV в Коломенское изначально должна была представляться как одно из многочисленных царских богомолий, приуроченных в этот раз ко дню святого Николая Чудотворца, приходившегося на 6 декабря [11, с. 391]. Большие вопросы и недоумения вызывал лишь вид «государева поезда»: боярам и приказным было велено «ехати з женами и з детми», а дворянам «с людми и с конми, со всем служебным нарядом» [11, с. 391]. Об отречении Грозного от престола в Москве должны были узнать никак не ранее его приезда в Александровскую слободу.

Достигнув слободы, царь отправил в Москву Константина Поливанова с двумя грамотами. Грамота, адресованная Афанасию, перечисляла «измены боярские и воеводские и всяких приказных людей», которые якобы имели место быть в годы малолетства государя, Грозный налагал опалу на духовенство, членов Боярской думы, дворянство и приказных. Иван IV ставил в вину церковным иерархам то, что они, «сложася з бояры и з дворяны и з дьяки», не позволяют царю «показати» изменников [11, с. 392].

Примечательно, что в длинном списке опальных отсутствует сам митрополит, хотя, как известно, летом 1564 г. Афанасий принял самое деятельное участие в выступлении против усиливающегося террора [16, с. 203]. Очевидно, царь хотел использовать митрополита для переговоров с опальным руководством страны. Кроме того, Грозный «давал понять митрополиту, что ему ничего не угрожает при любом развитии событий» [22, с. 266]. К этому необходимо добавить, что государь рассчитывал данным шагом поднять авторитет своей креатуры Афанасия в глазах как правящих кругов, так и духовенства. Афанасий в данной ситуации становился единственно возможным заступником многочисленных бояр, дворян, приказных и церковников перед царём, именно на него они должны были устремить свой взор, прося защиты от царского гнева.

Вторая грамота была адресована московскому купечеству и посаду. В ней особо подчёркивалось, что «гневу на них и опалы никоторые нет», царь же покинул трон из-за противодействия власти предрержащих, «не хотя их многих изменных дел терпети» [11, с. 392]. Это был потрясающе точно рассчитанный политический ход: в грамоте народ предстал главной опорой престола, в то время как правящий класс был поголовно обвинен в измене [6, с. 64–65]. Совершенно естественно, что жители столицы, испуганные и в то же время воодушевлённые текстом грамоты, полные решимости «потребить» изменников, двинулись к митрополиту, авторитет которого в эти часы возрос необычайно.

Посадские окружили митрополичий двор, на котором к тому времени собрался целый «импровизированный Земский собор» [14, с. 239], состоявший из спасавшихся от народного гнева членов думы, архиереев, приказных служащих. По мнению Р. Г. Скрынникова, собравшиеся уговаривали митрополита не медля ехать в Александровскую слободу, опасаясь народных волнений [14, с. 239]. Действительно, Афанасий единственный не снискал царский гнев, и сам Грозный, очевидно, предполагал именно такое развитие событий. Послание Таубе и Крузе сообщает, что царь сам назвал имена лиц, которые должны были явиться в слободу для переговоров [9, с. 32], однако это, скорее всего, не так: решение о поездке к Ивану IV было принято после весьма длительного совещания и переговоров митрополита с представителями московского посада и купечества. Кроме того, маловероятно, чтобы митрополит, упоминаемый Таубе и Крузе в качестве одного из названных царем лиц, в сложившейся ситуации оказался способным перечить царской воле.

В тот же день Афанасий послал в царский лагерь новгородского архиепископа Пимена и архимандрита Чудова монастыря Левкия, известных своей преданностью Грозному. Вслед за этим в слободу прямо со двора митрополита отправились и члены совещания [19, с. 179].

Существует мнение о падении авторитета Афанасия в результате событий января 1565 г.: не одобрявший действий царя святитель остался в столице и после отъезда в слободу всего Освященного собора фактически оказался в одиночестве [21, с. 247]. Однако данный вывод следует признать слишком категоричным. Митрополит действительно мог отказаться от поездки под благовидным предлогом «градскаго брежения» [11, с. 393], не одобряя действий Грозного. В то же время первосвятитель отправил с Пименом царю свое благословение и челобитную с мольбой сложить гнев, вновь взойти на престол и править «как ему, государю, годно» [11, с. 394]. Именно на прошение Афанасия более всего уповали отправившиеся в слободу опальные. Афанасий же, будучи обойден царским гневом, являлся и единственным человеком, сохранявшим авторитет в глазах населения Москвы, способным предотвратить любые беспорядки в столице. Вероятно, официальный летописец верно передал причину, по которой митрополит остался в царствующем граде как единственно возможный легитимный с точки зрения народа представитель власти в отсутствие царя.

Согласно условиям возвращения государя в Москву, митрополит терял старинное право «печалования» за опальных, в стране, разделённой отныне на земщину и опричнину, фактически вводился чрезвычайный режим личной власти царя, воля которого признавалась единственным источником власти и права [1, с. 119].

Вскоре после учреждения опричнины в монастыре оказался сподвижник Афанасия Крутицкий епископ Матвей. Вообще пост Крутицкого епископа был чрезвычайно престижен - именно он, согласно постановлению «Стоглава», должен был руководить церковным судом в случае болезни митрополита [12, с. 341]. На страницах официального летописца Матвей предстает в ряду «князей церкви», отправившихся в слободу вслед за Пименом и Левкием «сами о себе бити челом» [11, с. 393]. Неизвестно, каким проступком епископ навлек на себя царский гнев. В. В. Шапошник небезосновательно связывает опалу Матвея с его участием в выступлении митрополита, архиереев и боярства против террора летом 1564 г. По мнению исследователя, ссылка епископа «могла быть недвусмысленным предупреждением» Афанасию, своего рода гарантом невмешательства главы церкви в опричную политику [21, с. 248].

С момента возвращения Грозного на трон, Афанасий возглавлял митрополию более года. Митрополит проявил деятельное участие в сложении царской опалы с И. П. Яковлева в марте 1565 г. и М. В. Воротынского в апреле 1566 г. Однако, скорее всего, процедура прощения представляла собой лишь очередной царский фарс, и Грозный сам указывал митрополиту, за кого следует «печаловаться» [17, с. 577; 22 с. 270]. В таком случае за действиями царя следует усмотреть желание поддержать престиж первосвященника с одной стороны, и несколько сгладить конфликт с земщиной с другой.

19 мая 1566 г. Афанасий в отсутствие царя, занимавшегося объездом южных приграничных городов, самовольно покинул митрополичью кафедру и ушёл в место своего пострига – кремлёвский Чудов монастырь [11, с. 401]. Чем же был вызван столь неожиданный для Грозного поступок святителя?

Власти сейчас же объявили, что Афанасий покинул митрополию «своею волею, за немощь» [10, с. 248], то есть по причине болезни. Основываясь на записках князя-эмигранта А. М. Курбского, можно предположить, что за границей даже ходили слухи о смерти митрополита [8, с. 358].

Версия о тяжкой болезни архипастыря, поддержанная Б. Н. Флорей [19, с. 206], не выдерживает критики: в июле 1567 г., более чем через год после описываемых событий, Афанасий по приказанию государя «поновлял» икону Владимирской Богоматери [11, с. 408]. Кроме того, представляется далеко не случайным, что уход митрополита в монастырь совпал с отъездом Ивана IV на границу.

В. Б. Кобрин полагал, что Афанасий не желал себя «компрометировать связью с опричниной» [6, с. 73 – 74], но это никак не согласуется с тем фактом, что именно митрополит в январе 1565 г. фактически благословил царя править «как ему, государю, годно» и вполне лояльно возглавлял церковное руководство в период первых опричных репрессий.

По мнению М. Н. Тихомирова, митрополит вынужден был уйти в монастырь по требованию грозного царя [18, с. 95]. С недовольством опричной политикой связывает поступок Афанасия А. А. Зимин, отмечавший, что репрессии обрушились на близких митрополиту политических деятелей [4, с. 279].

Любопытна точка зрения новейшего исследователя В. В. Шапошника, связывающего оставление Афанасием митрополии с началом строительства новой царской резиденции вне стен Кремля. Афанасий исходил из представления о том, что царь и митрополит должны находиться рядом, переезд же Грозного на новый двор препятствовал первоиерарху «выполнять свои пастырские обязанности» [21, с. 251 – 252]. В. В. Шапошник полагает, что уход Афанасия с кафедры не связан с недовольством репрессивной политикой, ведь как раз весной террор прекратился, а «власти предприняли шаги для успокоения ситуации в стране» [21, с. 250–251].

Весной 1566 г. действительно наступила настоящая «оттепель»: возобновились назначения в Боярскую думу, Владимиру Старицкому было возвращено его подворье в Кремле, в апреле был возвращён из ссылки М. Воротынский [14, с. 318]. Тогда же было принято решение об амнистии «казанских ссыльных». Однако исследователь упускает из виду очень важное событие: в апреле видный член земской думы князь П. Щенятев выступил против опалы родственников и самовольно удалился в монастырь [14, с. 338].

Противники опричнины прекрасно понимали, что временное послабление со стороны царя и опричного руководства вовсе не означает возвращение к доопричным порядкам, в стране по-прежнему сохранялся самодержавный режим Грозного. Выдающийся исследователь эпохи Грозного Р. Г. Скрынников пришёл к выводу, что «уступки... ободрили недовольных и породили повсеместно надежду на полную отмену опричнины» [15, с. 60]. В этих условиях у Афанасия, вероятно, хватило духа поддержать выступление оппозиции.

Строительство опричного дворца если и повлияло на решение Афанасия сложить сан, то в незначительной мере. Главной же причиной следует считать затянувшийся конфликт между самодержавной властью Грозного с одной стороны, и объединением знати и духовенства с другой. Объединением, сложившимся перед лицом единоличной тирании монарха, ломавшей традиционные устои, заключающиеся в сотрудничестве царя, духовенства и княжеско-боярского «синклита».

Несмотря на обострение конфликта между «священством» и «царством» весной 1566 г., выразившееся в уходе Афанасия с митрополичьей кафедры, можно сказать, что на протяжении

предопричного периода и первых полутора лет опричнины царь делал всё возможное, чтобы привлечь главу русской церкви на свою сторону. Это выражалось и в даровании льгот митрополичьему дому, и в постоянном желании Грозного поддержать престиж Афанасия в церковной и боярской среде. Вступая в смертельную схватку с собственной знатью, Иван IV нуждался в прочной опоре, роль которой должны были сыграть опричный корпус и московский митрополит. Союз с первосвятителем давал царю гарантии невмешательства церкви в дела государства, иными словами, Грозный получал полное право казнить «изменников», не опасаясь «печалований» иерархов, править самодержавно, по своей воле.

Едва ли можно согласиться с тезисом А. А. Зимина о том, что опричина имела целью борьбу с прерогативами «князей церкви», ставя их на одну доску с такими «пережитками политической децентрализации», как удельное княжество Старицкого и вольности Новгорода [5, с. 107]. Церковь рассматривалась царем как союзница в борьбе со знатью, «опричная дубина» до начала большого террора обрушилась на головы лишь отдельных святителей, противившихся становлению нового самодержавного порядка.

Литература

1. *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988.
2. АФЗХ. Ч. 3. М., 1961. №11.
3. *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997.
4. *Зимин А. А.* Митрополит Филипп и опричина. // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. 11. М., 1963.
5. *Зимин А. А., Хорошкевич А. Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.
6. *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. М., 1989.
7. *Макарий (Веретенников)* Святитель Макарий митрополит Московский и всея Руси (1482-1563). М., 1996.
8. ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986.
9. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // РИЖ. Кн. 8. Пг., 1922.
10. Псковские летописи. Т. 2. М., 1955.
11. ПСРЛ. Т. 13. М., 1965.
12. «Стоглав» // РЗ. Т. 2. М., 1985. Гл. 68.
13. *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный // Иван Грозный. Борис Годунов. Василий Шуйский. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005.
14. *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966.
15. *Скрынников Р. Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994.
16. *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992.
17. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 6. М., 1993.
18. *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
19. *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 2002.
20. *Шапошник В. В.* Иван Грозный. СПб., 2015.
21. *Шапошник В. В.* Митрополит Афанасий и опричина. // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб.-Ижевск., 2001.
22. *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30-80-е годы XVI века. СПб., 2006.
23. *Шапошник В. В.* Церковь, государство, общество в XV - XVI вв. // Русское православие: от крещения до патриаршества. СПб., 2012.
24. *Шлихтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного. М.-Л., Издательство АН СССР, 1934.